18+

ПРАВО НА ПОЛЕТ

История человека, который вернул себе право жить

Петер Лорентс

Петер Лорентс

Право на полет. История человека, который вернул себе право жить

«Издательские решения»

Лорентс П.

Право на полет. История человека, который вернул себе право жить / П. Лорентс — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.«Право на полёт» — честная история о том, что мечта не исчезает, а упорно ждет своего часа.Петеру было 24 года, когда машина, в которой он ехал, попала в аварию после которой он не должен был встать. Он шаг за шагом прошел путь восстановления: от простых движений до танца с женщиной, которая стала его женой, и осуществления мечты пилотировать самолет.Оказалось, там, где мечта становится реальностью, все только начинается…

© Лорентс П.
© Издательские решения

Содержание

Пролог 6
Глава 1. Мальчик, смотревший на карту 9
Глава 2. Жизнь, придуманная за меня 13
Глава 3. Цена самостоятельности 18
Глава 4. Нужный язык 22
Глава 5. Русский четверг 26
Конец ознакомительного фрагмента. 30

Право на полет
История человека, который вернул себе право жить

Петер Лорентс

Основатель студии Бизнес_СЛАЙД Мария Бархатнова
Редактор, ИИ-эксперт Валентина Мотрич
Дизайнер обложки Юлия Пескова
Литературный продюсер Анастасия Селиванова

© Петер Лорентс, 2026
© Юлия Пескова, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0071-7881-5
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Когда инструктор закрыл за собой дверь, кабина не стала просторнее. Наоборот, свободное кресло рядом будто заняло всё оставшееся место.

Ещё минуту назад здесь сидел человек, который мог заметить мою ошибку прежде, чем она станет опасной. Мог положить руку на штурвал, спокойно произнести несколько слов, вернуть самолёт на правильный курс. Теперь справа никого не было. Только пустое кресло, пристёгнутые ремни и тишина, в которой особенно отчётливо слышался работающий двигатель.

Я остался один.

К этому моменту за моей спиной были часы полётов, занятия, девять экзаменов по теории — от метеорологии до навигации, — и бесконечные вечера над учебниками на английском языке. Я уже знал, как самолёт ведёт себя в воздухе, понимал показания приборов, умел рассчитывать маршрут и следить за погодой. Но между «я умею» и «я отвечаю за всё сам» всегда существует расстояние. Иногда оно измеряется годами. Иногда — одним пустым креслом.

Я положил ладонь на штурвал. В небольшом самолёте он очень чувствительный. Его нельзя дёргать, заставляя машину подчиниться. Резкое движение здесь не означает решительность — оно означает, что ты не почувствовал самолёт. Сначала нужно понять, что произойдёт, и только потом потянуть штурвал на себя или отдать его от себя. Самолёт отвечает на каждое прикосновение, даже на то, которое человек совершил раньше, чем успел подумать.

Когда-то я точно так же лежал в больничной палате и ждал ответа от собственного тела.

Тогда мне было двадцать четыре года. Я смотрел на свои ноги, видел их под одеялом, но почти не чувствовал. Они принадлежали мне и одновременно казались чужими. Между мыслью и движением исчезла связь, которая прежде существовала сама собой и потому никогда не воспринималась как чудо. Я пытался пошевелить пальцем — не рукой, не ногой, всего лишь одним пальцем — и не знал, услышит ли тело мою команду.

В кабине я вдруг вспомнил это ощущение: сначала движение должно произойти внутри, и только потом становится видимым.

Я не собирался думать о больнице перед взлётом. В авиации вообще полезнее находиться там, где ты находишься, а не разгуливать по собственному прошлому. Но память редко спрашивает разрешения. Иногда ей достаточно положения руки, звука двигателя или пустого кресла рядом, чтобы поднять со дна событие, которое ты давно считал прожитым.

Спина напомнила о себе знакомым напряжением. Она делала это регулярно, особенно если я несколько дней ленился или пропускал гимнастику. После аварии прошло много лет, но договор с телом никто не отменял: я занимаюсь — оно позволяет мне жить так, как я хочу. Стоит решить, что теперь всё окончательно позади, как тело довольно убедительно объясняет ошибку. Без лекций и нравоучений — просто болью.

Я поправил положение в кресле и снова посмотрел на приборы.

В сорок семь лет человек обычно умеет объяснить себе, почему уже поздно. Для этого даже не требуется богатое воображение. Всегда найдётся что-нибудь убедительное: возраст, работа, семья, деньги, здоровье, иностранный язык, нехватка времени. Можно выбрать любую причину или собрать сразу полный комплект, чтобы решение выглядело особенно разумным.

У меня тоже были причины не начинать. Обучение стоило почти пятнадцать тысяч евро. Теорию предстояло сдавать на английском. На экзаменах никто не собирался делать скидку на возраст, биографию или три сломанных позвонка. Небу вообще безразлично, сколько человек пережил и насколько убедительно умеет рассказывать об этом. Оно принимает только тех, кто подготовился.

Поэтому о своём поступлении я никому не сказал.

Возможно, это было не самое взрослое решение в моей жизни. Но я слишком хорошо знал, как легко чужой страх надевает маску заботы. Сначала тебе объясняют, почему это опасно. Потом — почему неразумно. Затем напоминают, сколько у тебя обязательств и насколько эгоистично тратить деньги на мечту. Если слушать достаточно долго, в конце концов начинаешь повторять те же слова собственным голосом.

Когда всё открылось, дома разразился скандал. Жена кричала, спрашивала, зачем мне это понадобилось и почему я не могу жить как нормальный человек. Я не находил ответа, который мог бы её убедить. Наверное, потому, что решение летать вообще трудно объяснить тому, кто никогда не чувствовал этой потребности.

Можно рассказать о первом полёте с отцом, когда мне было семь или восемь лет. О том, как земля отдалилась и привычный мир вдруг стал другим — маленьким, ясным и удивительно свободным. Можно вспомнить книгу Фрэнсиса Чичестера, которую подарил мне отец, и карту над детской кроватью, где я прокладывал маршруты в места, названия которых ещё не умел правильно произносить. Можно рассказать о частном самолёте в Финляндии и о том мгновении, когда мне впервые позволили немного поуправлять им.

Но всё это объясняло, когда появилась мечта. И не объясняло, почему спустя сорок лет я всё ещё не мог от неё отказаться.

Я мог отказаться от полётов в двадцать лет, когда обучение оказалось слишком дорогим. Мог отложить их после аварии, потому что жизнь потребовала более насущных решений. Нужно было снова научиться ходить, работать, зарабатывать, создавать семью, растить ребёнка. Потом появились новые обязанности, новые планы и новые разумные причины не смотреть в сторону аэродрома.

Мечта не исчезла. Она просто научилась ждать.

Иногда я думаю, что самые важные желания человека редко кричат. Они не требуют внимания каждый день и не устраивают истерик, когда мы снова выбираем что-нибудь более срочное. Они молча отходят в сторону и остаются там, пока однажды мы не обнаруживаем, что прошло двадцать или тридцать лет.

Тогда приходится отвечать себе честно: ты действительно передумал или просто всё это время боялся заплатить цену?

Я заплатил. Не сразу и не легко. Было около ста часов в воздухе до лётного экзамена, теория на чужом языке, усталость, напряжение и моменты, когда проще было признать затею бессмысленной. Иногда я возвращался после занятий и чувствовал себя не человеком, который приближается к мечте, а взрослым мужчиной, добровольно усложнившим себе жизнь за собственные деньги.

Но каждый раз снова приходил на аэродром.

Теперь инструктор стоял снаружи, а я сидел в самолёте один.

Я провёл предполётную проверку ещё раз, хотя уже всё проверил. Это было не недоверие к себе, а попытка задержаться в последних секундах, когда решение ещё можно отменить. Пока самолёт стоит на земле, всегда существует возможность заглушить двигатель, открыть дверь и сказать, что сегодня не готов.

Никто не назвал бы меня трусом. Нашлись бы разумные объяснения. Возможно, даже инструктор сказал бы, что лучше перенести полёт, если я сомневаюсь.

Но я не сомневался.

Мне было страшно — и это совсем другое.

В молодости я часто путал отсутствие страха со смелостью. Уезжал в другую страну, почти не зная языка, начинал дела, рисковал, нарушал правила и был уверен, что держу жизнь за штурвал. На самом деле я просто не умел замечать опасность до тех пор, пока не врезался в неё на полной скорости.

Теперь я знал цену ошибки. Знал, как быстро человек теряет привычную жизнь. Помнил треск металла, короткую невесомость и тишину после удара. Помнил светло-зелёные стены больничной палаты, чужие руки, инвалидное кресло и первые ночные шаги на костылях. Мне больше не требовалось доказывать себе бессмертие.

Я хотел другого — прожить свою жизнь, пока она у меня есть.

Самолёт начал движение.

Впереди лежала взлётная полоса. За ней — небо, которое много лет существовало рядом со мной и всё это время терпеливо ждало. Я выровнял машину, следя за приборами и ощущая каждое её движение. Рука лежала на штурвале спокойно, без лишнего напряжения.

Разгон.

В какой-то момент колёса перестали касаться земли. Это произошло почти незаметно, без торжественной границы между «до» и «после». Только полоса начала уходить вниз, а пространство вокруг стало шире.

Я летел один.

Наверное, именно тогда я должен был почувствовать себя победителем. Вспомнить больничный приговор, мысленно поспорить с врачами, поблагодарить судьбу за испытания и объявить, что человек способен на всё. Но ничего подобного не произошло.

Я просто смотрел вперёд и управлял самолётом.

В воздухе нет места красивым выводам. Здесь нужно выдерживать курс, замечать изменения, принимать решения и помнить, что любое твоё движение имеет последствия. Небо не обещает безопасности. Оно предоставляет пространство — а дальше всё зависит от твоей подготовки, внимания и честности с самим собой.

В тот день я не победил прошлое. Оно давно не было моим врагом.

Я не доказал, что сильнее собственного тела. Мы с ним уже много лет работали вместе.

И я не совершил невозможного. Я сделал то, что когда-то отложил, но так и не сумел забыть.

Чтобы подняться в небо, мне понадобилось почти сорок лет. За это время я успел убежать из дома, уехать в чужую страну, заработать первые большие деньги, потерять ощущение границ, попасть в аварию, услышать, что больше не буду ходить, снова встать, научиться танцевать, стать мужем и отцом. Я много раз менял направление, ошибался, начинал заново и принимал чужие представления о том, каким должен быть мой путь.

Но однажды я всё-таки вернулся к мальчику, который смотрел на карту над кроватью и верил, что сможет летать.

Эта книга — о дороге между ним и человеком, оставшимся один в кабине.

О дороге к праву выбирать собственный курс.

Глава 1. Мальчик, смотревший на карту

В детстве я не знал, что однажды буду управлять самолётом. Мечта тогда ещё не имела такой точной формы. Я просто чувствовал, что мир значительно больше того, который вижу каждый день, и мне непременно нужно узнать, что находится дальше.

Дальше школьного двора. Дальше знакомых улиц. Дальше границы, о которой взрослые говорили так, словно за ней заканчивалась не только страна, но и сама возможность свободно выбирать свою жизнь.

До четвёртого класса школа казалась мне скучным местом. Уроки сменяли друг друга, учителя что-то объясняли, мы записывали, отвечали, получали оценки. Я выполнял то, что от меня требовали, но не чувствовал за всем этим настоящей жизни. Знания существовали отдельно от меня, как вещи в закрытом шкафу: взрослые почему-то считали их важными, а я не понимал, зачем они мне понадобятся.

Всё изменилось, когда появились география и история.

Учительница географии была убеждённой коммунисткой. В те годы взрослые вообще часто говорили правильными словами, смысл которых дети не всегда понимали, зато хорошо чувствовали, когда эти слова произносились по обязанности. Её политические убеждения меня мало занимали. Стоило учительнице развернуть карту, как кабинет становился больше.

За линиями государственных границ существовали другие страны, моря, пустыни и горные хребты. Там был иной климат, росли незнакомые растения и жили животные, которых я видел только на картинках. Люди говорили на других языках, строили другие дома, носили другую одежду и, вероятно, иначе представляли себе правильную жизнь.

Мне хотелось узнать о них всё.

Иногда я смотрел на карту и думал не о том, сколько полезных ископаемых добывают в той или иной стране, а о том, каково оказаться там самому. Как пахнет воздух возле океана? Насколько тихо в пустыне? Что чувствует человек, когда перед ним нет привычных домов, дорог и голосов, а есть только неизвестное пространство?

География не давала ответов на эти вопросы. Она делала больше — позволяла их задавать.

Историю преподавал человек, которого я запомнил совсем другим. Он не пытался превратить прошлое в стройный ряд дат, решений и правильных выводов. Советского периода касался осторожно, сообщая то, что требовалось написать на экзамене, зато свободно уходил в эпохи, где школьная программа уже не могла удержать его воображение.

Он рассказывал о Вавилоне и Древнем Египте, о народах Амазонии и Крайнего Севера. Перед нами возникали города, исчезнувшие задолго до нашего рождения, правители, войны, путешествия и цивилизации, от которых остались только камни и несколько страниц в учебнике. Даже школьные хулиганы, обычно занятые чем угодно, кроме урока, сидели тихо. Учитель умел сделать прошлое живым, а живое всегда интереснее обязательного.

Тогда я ещё не размышлял о том, почему он выбирал именно эти темы. Много лет спустя мне стало казаться, что таким способом он сохранял собственную свободу. Он не спорил с системой и не произносил опасных речей. Просто находил пространство, в котором мог говорить честно и увлечённо. Возможно, это был его способ оставаться собой.

У каждого человека есть такое пространство. Один находит его в книгах, другой — в музыке, третий — в работе. Иногда оно помещается в школьном кабинете и длится сорок пять минут. Но если тебе хотя бы однажды показали, что за привычными стенами существует другой мир, забыть об этом уже трудно.

Моё пространство началось с книги.

Мне было лет восемь, когда отец дал мне читать Фрэнсиса Чичестера. Вернее, не просто дал — приказал. В нашей семье взрослые редко интересовались, хочу ли я делать то, что они считали полезным. Книгу положили передо мной как очередную обязанность, и поначалу я отнёсся к ней соответственно.

Но довольно быстро перестал замечать, что читаю по приказу.

Чичестер отправился на небольшом самолёте в долгий перелёт через страны и океаны. Он попадал в опасные ситуации, ошибался, ремонтировал машину, снова прокладывал маршрут и продолжал путь. Меня поразили не только дальние страны, но и сам человек, который принимал решения самостоятельно. Рядом не было взрослого, способного подсказать, что правильно. Не было начальника, готового взять ответственность. Были самолёт, карта, погода и он сам.

Наверное, именно тогда я впервые полюбил небо.

Не как красивый голубой фон над домами и не как место, где летают птицы. Небо стало пространством, в котором человек оставался один на один со своими решениями. Там невозможно было спрятаться за чужой спиной, но никто не мог и приказать тебе, куда смотреть. Нужно было самому выбрать курс, а затем иметь мужество его выдержать.

В детстве я не сформулировал бы этого такими словами. Я просто читал и не мог оторваться. Мир в книге был огромным, опасным и настоящим. В нём человек мог оказаться слабее стихии, но всё равно продолжал действовать.

К Чичестеру я возвращался потом много раз. Возвращаюсь и сейчас. Одна и та же книга меняется вместе с читателем: в восемь лет я видел приключение, позже — смелость, а теперь всё чаще замечаю подготовку, дисциплину и способность не терять голову там, где одной храбрости уже недостаточно.

В детстве мне попалась и другая книга — «Мы выходим из моря» Ханса Хасса. Она открыла мир, лежащий в противоположной стороне от неба, — под водой. Морские глубины оказались не менее притягательными, чем воздушное пространство. Там тоже требовалось выйти за пределы привычного, довериться оборудованию, знаниям и собственным ощущениям.

Спустя годы я прошёл путь от обычного дайвера до технического, погружался на глубину сто двадцать метров, исследовал пещеры и дошёл до подготовки инструкторов по техническому дайвингу. Но в детстве ничего этого ещё не существовало. Была только книга и мальчик, которому хотелось заглянуть туда, куда обычно не заглядывают.

Теперь я понимаю, что небо и глубина привлекали меня по одной причине. И там и там человек покидает пространство, для которого создано его тело. Он не может дышать под водой и не умеет летать, но находит способ расширить собственные возможности. Для этого мало мечтать. Нужно учиться, готовиться, понимать риски и отвечать за каждое решение.

В детстве я видел преимущественно свободу. Ответственность пришла гораздо позже.

У меня были модели самолётов. Я собирал их сам, а потом развешивал в комнате. До сих пор помню запах клея и то особое терпение, которое требовалось, чтобы соединить мелкие детали, не испортив всю конструкцию. Когда модель была готова, я находил сведения о настоящем самолёте в энциклопедии: где его создали, как он устроен, на что способен.

Играть с готовой моделью было приятно, но сам процесс сборки нравился мне не меньше. Из отдельных непонятных частей постепенно возникало нечто цельное. Крыло вставало на место, появлялся фюзеляж, самолёт приобретал узнаваемую форму. Неподвижная вещь, которой никогда не суждено подняться в воздух, всё равно несла в себе обещание полёта.

Тогда я ещё не знал, что однажды мне придётся так же терпеливо собирать собственное тело. По одной мышце, одному движению, одному шагу. Не требовать немедленного результата, а соединять маленькие усилия, пока они снова не станут чем-то целым.

Но до этого оставалось много лет, и мне совершенно не хотелось думать ни о терпении, ни об ограничениях.

Гораздо свободнее я чувствовал себя в деревне у деда. Там после хозяйственных дел можно было уйти к реке или в лес и надолго исчезнуть из поля зрения взрослых. Я брал нож и пилу, искал ветки подходящей формы и делал из них луки. Их у меня было много: одни получались удачными, другие ломались или плохо стреляли, но каждая следующая попытка была немного лучше предыдущей.

Ещё я мастерил маленькие парусники и спускал их на воду. Река была достаточно широкой, и я мог часами следить, как лодка пересекает её под действием ветра и течения. У парусника не было мотора. Я не мог управлять им после того, как отпускал его от берега. Оставалось только смотреть, как он ловит ветер, меняет направление и иногда всё-таки добирается до другой стороны.

Возможно, именно тогда я впервые почувствовал разницу между управлением и контролем. Сделать парус, выбрать место, вовремя отпустить лодку — это зависело от меня. Ветер и течение — нет.

Ребёнок редко размышляет такими категориями. Я просто стоял у воды и ждал, куда вынесет моё маленькое судно.

В лесу пахло древесиной и влажной землёй. На реке время двигалось иначе. Дома и в школе постоянно существовало следующее дело: урок, поручение, замечание, обязанность. Здесь можно было сидеть на берегу и ничего никому не доказывать.

В субботу дед ходил в общую баню — большой бревенчатый дом на берегу реки. Среди взрослых мужчин он держался спокойно и уверенно. Его уважали в посёлке за мастерство: дед был рукастым человеком и умел делать то, что другим казалось сложным. Мне нравилось находиться рядом с ним и слушать разговоры, даже если половину я не понимал.

Рядом с дедом результат труда всегда можно было увидеть и потрогать. Починенная вещь снова могла служить кому-то. Правильно выбранная ветка превращалась в лук. Из нескольких досок появлялось то, чего ещё утром не существовало. Он не произносил длинных речей о самостоятельности — просто умел работать и не боялся браться за дело.

Другой дед был дирижёром.

Он был связан с иным миром — музыкой, сценой, оркестром. Дирижёр управляет общим звучанием, но сам не извлекает ни одного звука. Он не может сыграть вместо скрипача или вовремя вступить за музыканта, пропустившего долю. Он задаёт темп, показывает направление и удерживает замысел целиком, но каждый участник всё равно отвечает за собственную партию.

В детстве я об этом не думал. Для меня дед просто был человеком, который знал о мире нечто такое, чего не объясняли в школе.

О Боге дома почти не говорили. Не было икон, крестов и привычки ходить в церковь. Но дед-дирижёр однажды объяснил мне, что за всё сделанное человек отвечает перед Высшим. Он говорил не о религиозных правилах и не о наказании. Скорее о личной связи и ответственности, которую нельзя переложить на государство, родителей или другого человека.

Тогда эта мысль не стала для меня откровением. Я выслушал её, запомнил и продолжил жить. Некоторые слова долго лежат внутри без движения, как семена в холодной земле. Они прорастают только тогда, когда наступает их время.

Музыка вошла в мою жизнь через прикосновение.

До развода родителей дома стояло пианино. Когда никого не было, я открывал крышку и нажимал на клавиши. Играть по-настоящему я не умел, поэтому просто искал сочетания звуков и сочинял что-то своё. Меня завораживала простая связь: я совершаю движение — и возникает звук. Могу нажать другую клавишу, изменить силу удара, задержаться или продолжить. Результат следовал непосредственно за моим действием.

Однажды я так увлёкся, что не услышал возвращения родителей. Отец рассердился и отругал меня за то, что я без разрешения полез к инструменту. Почему к пианино требовалось

отдельное разрешение, я не понял. Возможно, взрослые боялись, что я его испорчу. Возможно, дело было не в инструменте, а в привычном порядке: ребёнок не должен брать то, что ему не давали.

Я отошёл от пианино, но ощущение осталось. Там, где мне позволяли самому выбирать клавишу, я мог управлять тем, что происходило дальше.

Позже, в шестнадцать лет, я впервые вышел на сцену с бас-гитарой. Концерт проходил в полуподвальном помещении, и ничего торжественного в нём не было. Но когда зазвучала первая партия, я почувствовал, как музыка меняет состояние людей перед сценой. Мои пальцы касались струн, звук входил в общее звучание, а зал отвечал движением, вниманием, энергией.

Это было новое открытие: собственным действием можно не только получить результат, но и повлиять на чувства других людей.

Сейчас я вижу, как часто в моих детских увлечениях повторялся один и тот же мотив. Клавиша и звук. Деталь и модель самолёта. Парус и движение лодки. Струна и реакция зала. Действие и результат. Мне хотелось понимать эту связь и самому решать, какое движение совершить.

Во сне я часто летал без самолёта. Мне не требовались ни крылья, ни двигатель. Я управлял движением силой мысли, поднимался выше, менял направление и ощущал полную свободу. Проснувшись среди ночи, иногда испытывал почти физическую обиду от возвращения.

В комнате снова были стены. За окном — знакомый город. Утром нужно было идти в школу и заниматься обычными делами.

О своих полётах я никому не рассказывал. Сокровенную мечту легко разрушить не запретом даже, а насмешкой. Достаточно, чтобы взрослый улыбнулся и посоветовал перестать фантазировать. Поэтому я хранил её внутри, в месте, куда никто не мог заглянуть без разрешения.

Тогда мне казалось, что настоящая жизнь начнётся позже. Сначала нужно вырасти, закончить школу и получить право самому распоряжаться своим временем. Потом исчезнут стены, объяснения и ограничения. Мир, который я видел на картах и находил в книгах, однажды откроется передо мной целиком.

Я ещё не знал, сколько лет пройдёт между первым полётом во сне и первым самостоятельным полётом наяву.

Не знал, что прежде, чем подняться в небо, спущусь на глубину сто двадцать метров. Что потеряю способность нормально двигаться и буду возвращать её по частям. Что много раз выберу неверное направление и всё-таки продолжу искать собственный курс.

Пока над моей кроватью висели собранные модели самолётов.

Они не умели летать, но уже знали обо мне что-то, чего я сам ещё не понимал.

Глава 2. Жизнь, придуманная за меня

Быть сыном директора школы — особая роль. Она начинается задолго до того, как ребёнок понимает, что такое должность, репутация и ответственность.

Другие дети могли получить двойку, подраться на перемене или сбежать с урока и хотя бы надеяться, что дома об этом узнают не сразу. У меня такой роскоши почти не было. Школа и дом существовали слишком близко друг к другу. Любой мой поступок мог добраться до мамы раньше меня, обрасти подробностями и превратиться из обычной мальчишеской выходки в событие, которое требовалось немедленно обсудить.

Я был не просто учеником.

Я был сыном директора.

Это значило, что моё поведение принадлежало не только мне. Оно могло повлиять на мамино положение, дать кому-то повод для разговоров, стать способом надавить на неё или свести счёты. Взрослые иногда использовали детей в своих отношениях друг с другом, хотя сами, вероятно, называли это воспитанием.

Мама была требовательным человеком и привыкла руководить. В школе это качество помогало ей держать порядок, принимать решения и отвечать за других. Но директорская должность редко остаётся за дверью кабинета. Она постепенно входит в походку, интонацию, взгляд и привычку заранее знать, как будет правильно для всех.

В том числе для собственного сына.

Я не думаю, что мама хотела лишить меня свободы. Скорее наоборот: она пыталась направить меня по дороге, которая казалась ей безопасной и достойной. Она знала мир лучше меня, понимала, как в нём устроена жизнь, и старалась уберечь от ошибок. Проблема заключалась только в том, что её представление о моей жизни было готово раньше, чем я успел придумать собственное.

В этой версии я должен был хорошо учиться, вести себя правильно, не давать повода для жалоб и ценить возможности, которые мне предоставляли. В ней существовали подходящие решения и неподходящие, разумные увлечения и пустая трата времени, люди, с которыми стоило общаться, и те, от кого следовало держаться подальше.

Вероятно, такая жизнь могла оказаться спокойной.

Только она была не моей.

Дети не всегда способны объяснить, почему сопротивляются заботе. Со стороны это выглядит как упрямство, неблагодарность или желание всё сделать наперекор. Но иногда ребёнок защищает не конкретный поступок, а своё право хотя бы однажды решить самостоятельно.

Если мне говорили, что нужно читать, я мог полюбить книгу, но всё равно помнил: сначала это было сродни приказу. Если объясняли, как поступить правильно, мне хотелось проверить, действительно ли другого пути нет. Чем увереннее взрослые знали, что для меня лучше, тем сильнее становилось желание найти собственный ответ.

Так между мамой и мной постепенно возникла борьба, которую никто официально не объявлял.

Она усиливала контроль.

Я учился его обходить.

В школе мне не нравились правила, смысл которых никто не мог объяснить. Я должен был носить пионерский галстук и стать пионером не потому, что сам этого хотел, а потому, что выбора не существовало. К нам приходили ребята из других школ и комсомольского комитета, рассказывали что-то правильное и требовали остаться после уроков.

Однажды мы с другом спрятались в школьных коридорах, дождались начала очередной агитационной лекции и сбежали.

Это не было политическим протестом. Мы не собирались бороться с системой и едва ли могли чётко объяснить, против чего выступаем. Нам просто не хотелось сидеть и слушать чужие правильные слова после того, как уроки уже закончились.

Для взрослых такая выходка означала нарушение дисциплины.

Для меня — маленькое доказательство, что выход существует даже из школьного коридора.

Не все учителя относились ко мне одинаково. Кто-то видел обычного ученика, кто-то — сына директора. Одни могли быть внимательнее, другие, наоборот, строже, чтобы никто не заподозрил их в особом отношении. Иногда я чувствовал, что отвечаю не только за себя, но и за мамины отношения с педагогами.

Учительница английского с ней не ладила. Вражды между ними не было, просто обе обладали сильными характерами и собственным представлением о правильном. Но ко мне учительница относилась справедливо.

На уроках нам давали определённый набор слов и просили составить с ними текст. Мне часто не хватало предложенной лексики, чтобы написать именно то, что хотелось. Тогда я самостоятельно достал словарь и стал искать дополнительные слова. В грамматике делал ошибки, иногда довольно много, но работа получалась моей, а не собранной по шаблону.

Учительница это заметила.

Она могла снизить оценку за выход за пределы программы. Могла увидеть в моей самостоятельности попытку выделиться. Вместо этого однажды вызвала меня перед классом и сказала, что ценит мою работу и целеустремлённость.

Пятёрку всё равно не поставила — ошибки оставались ошибками. Но вместо тройки я получил четвёрку и предложение заниматься после уроков, чтобы исправлять то, чего пока не умел.

Для меня её слова значили больше оценки. Она не пожалела меня как сына директора и не наказала за отношения с мамой. Она увидела моё усилие.

В тот момент я почувствовал не превосходство над классом, а тихую уверенность: я способен сделать нечто большее, чем требует программа. Не ради похвалы и не напоказ. Для себя.

Поэтому честная строгость никогда меня особенно не раздражала. Я мог принять требовательность человека, если понимал её смысл. Мог работать, исправлять ошибки и начинать заново. Сопротивление возникало там, где вместо объяснения появлялся приказ, а вместо уважения — желание подчинить.

Некоторые учителя путали дисциплину с правом унижать. Одна из преподавательниц эстонского языка и литературы умела делать маленькие, почти незаметные пакости. Со стороны всё выглядело пристойно: замечание, интонация, очередной способ показать ученику его место. Но класс хорошо чувствовал, когда взрослый использует власть не для обучения, а для собственного удовольствия.

Я не всегда вступал в прямой конфликт. Гораздо интереснее было превратить сопротивление в игру.

В старших классах нам понадобилось подготовить выступление — что-то вроде будущего КВН, хотя тогда я ещё не знал этого названия. Я придумал спектакль, построенный на пародиях на учителей. Кристиан помогал мне, и вместе мы собирали узнаваемые жесты, выражения и интонации.

Риск существовал. В школе, где директором была твоя мать, пародировать преподавателей — не самый короткий путь к семейному спокойствию. Но когда мы вышли на сцену, смеялись все. Даже сами учителя.

Юмор позволил сказать то, что в обычном разговоре вызвало бы обиду или наказание. Никого не пришлось обвинять. Достаточно было немного усилить привычную интонацию, повторить характерное движение — и человек узнавал себя.

Для меня тот спектакль стал ещё одним способом вернуть себе влияние на происходящее. Я не мог изменить школьную систему, но мог посмотреть на неё со стороны и показать другим, как порой смешно она выглядит.

У меня были настоящие друзья. С Кристианом мы сидели за одной партой с первого класса. Гуляли по городу, играли в футбол и пинг-понг, позже слушали рок и металл. Мы не устраивали долгих разговоров о дружбе, но знали, что можем доверять друг другу.

Однажды на контрольной Кристиан оказался не готов. Я сначала написал свою работу, потом мы поменялись листами, и я дописал его. Учитель ничего не заметил — или решил не замечать.

Это было нечестно, но тогда я воспринимал случившееся иначе: другу нужна помощь, значит, нужно выручить. В подростковом мире верность человеку нередко стоит выше верности правилам.

Позже мы ходили в поход на каяках, причаливали к острову, ставили лагерь и готовили сосиски на костре. На воде доверие переставало быть красивым словом. Если плывёшь вместе, нужно чувствовать движение другого человека и понимать, что в сложный момент он не бросит весло.

Наверное, поэтому я так ценил отношения, где не требовалось постоянно объяснять и доказывать. Дома любое решение могло превратиться в обсуждение. С друзьями иногда достаточно было короткого: «Идём?» — и всё становилось понятно.

В деревне свободы было ещё больше. Мы договаривались встретиться на сеновале в одиннадцать или двенадцать ночи. Иногда просили старших купить пива, сидели до пяти-шести утра, разговаривали, смеялись и возвращались перед пробуждением взрослых.

Выбираться приходилось через окно. На кровати я оставлял муляж, запоминал, когда обычно просыпается бабушка, и старался вернуться вовремя. Дед, вероятно, догадывался, но относился к моим исчезновениям спокойнее. Бабушка могла утром покричать, если что-то подозревала.

Ни разу меня не поймали с поличным.

Каждая удачная вылазка укрепляла уверенность, что любую систему можно обойти, если хорошо подготовиться. Нужно изучить распорядок, предусмотреть риск, оставить на кровати убедительный силуэт и не шуметь, возвращаясь через окно.

Тогда это казалось свободой.

Гораздо позже я понял, что умение обходить запреты не всегда означает способность жить свободно. Иногда человек продолжает зависеть от чужого контроля, просто становится искуснее в сокрытии.

Но подростку такой вывод показался бы скучным. Для него главное заключалось в другом: ночь принадлежала ему.

В восьмом классе я начал заниматься дзюдо и карате. До этого случались обычные мальчишеские стычки: немного потолкались, покувыркались, нас разняли — победителя нет. Но тренировки довольно быстро показали, насколько легко подготовленный человек может навредить тому, кто не умеет защищаться.

После этого я стал избегать драк за пределами ринга.

Мне нравилось чувствовать силу, но применять её к более слабому казалось неправильным. Возможно, повлияло и то, что в детстве меня дразнили из-за привычки краснеть. Противостоять обидчикам не всегда получалось: они были сильнее. Я хорошо помнил ощущение, когда другой человек использует преимущество только потому, что может.

Сила имела смысл, если помогала управлять собой, а не унижать окружающих.

В старших классах к школе добавилась автошкола. В одиннадцатом я получил права категории С. Помню, как в декабре мы вместе с учителем поехали на школьном ГАЗ-52 в лесное хозяйство за ёлкой.

Мне нравилось сидеть за рулём большой машины. Между моим движением и поведением техники существовала ясная связь. Повернул руль — изменилась траектория. Нажал педаль — машина отозвалась. Здесь правила имели очевидный смысл: если их игнорировать, можно не вписаться в поворот или не остановиться вовремя.

Я охотнее подчинялся законам, последствия которых понимал.

Вероятно, уже тогда начинала формироваться одна из моих главных ошибок. Мне казалось, что достаточно разобраться в устройстве системы — и ею можно управлять. Я быстро находил связи между действием и результатом, видел возможности, которые другие пропускали, и постепенно привыкал доверять собственным решениям больше, чем чужим предостережениям.

Первые деньги только укрепили эту уверенность.

Как многие школьники, я коллекционировал марки. Мы собирались друг у друга, рассматривали коллекции, обменивали отдельные экземпляры и иногда продавали их. В какой-то момент я решил расстаться с частью своих марок и впервые почувствовал вкус денег, полученных не от родителей и не за работу, организованную взрослыми.

Я не потратил их на сладости или случайную вещь. Купил у ребят фотокарточки с иностранными автомобилями и перепродал другим. Потом снова вложил полученное.

Мне понравился не только заработок. Гораздо сильнее увлекал сам процесс: заметить спрос, найти нужный товар, договориться, купить дешевле и продать дороже. Деньги становились подтверждением того, что я правильно понял людей и ситуацию.

Летом я поехал в трудовой лагерь и заработал семьдесят рублей. Мои маленькие сделки принесли ещё около пятидесяти. Маме я сказал, что все сто двадцать получил в лагере, и купил велосипед «Турист».

Я гордился им не потому, что он был лучше других. В велосипеде материализовалась моя способность действовать самостоятельно. Я сам увидел возможность, заработал и решил, на что потратить деньги.

Но для этого пришлось скрыть правду.

В детстве решения редко бывают чистыми и безупречными. Я учился самостоятельности одновременно с умением скрывать. Учился зарабатывать, но вместе с этим привыкал считать, что правду о моих делах лучше не рассказывать.

Однажды мама стала разбирать мои полки и нашла деньги. Для неё это оказалось потрясением. Вероятно, она увидела не мальчика, который обнаружил первые законы торговли, а опасную тайну: сын что-то продавал, получал деньги и скрывал их от семьи.

Для меня самым неприятным был не сам разговор. Я уже понимал, что взрослые вряд ли одобрят мои сделки. Гораздо сильнее задело то, что мама обнаружила часть жизни, которую я считал своей.

У нас не получилось разговора двух людей, пытающихся понять друг друга. Один задавал вопросы, другой защищался.

Я пообещал, что больше так не буду.

И почти сразу стал думать, куда перепрятать деньги.

Возможно, именно тогда я сделал важный и не самый полезный вывод: чтобы сохранить решение своим, нужно не спорить, а скрывать. Открытый конфликт можно проиграть. Тайное решение никто не успеет запретить.

После той истории между нами окончательно возникли две версии моей жизни. Одна — та, которую можно было показать маме. Другая — настоящая, где я принимал решения сам.

Я не считал это местью. Мне просто казалось, что наши представления о жизни слишком различаются.

Однажды ко мне пришла соседская девочка, и мы решили погулять по городу. Мама дала мне рубль, чтобы я угостил её в кафе чаем и пирожным. Я добавил ещё три рубля из своего запаса, и счёт на двоих составил четыре рубля.

Тогда я окончательно понял, что мамина картина реальности заметно отстаёт от самой реальности.

После этого я почти перестал рассказывать ей о личном. Не из желания доказать что-то, а потому, что заранее не ждал понимания.

Мама пыталась сохранить сына на правильной дороге. Я пытался доказать, что способен сам выбрать направление. Чем сильнее она старалась приблизить меня к себе, тем больше я отдалялся.

Так формировалась привычка ставить близких перед фактом.

Позже, когда решу уехать в Финляндию, не стану долго обсуждать планы. Просто сообщу о принятом решении. Мне будет казаться, что иначе нельзя сохранить собственный выбор.

В каком-то смысле это работало. Решения оставались моими.

Но за такую независимость приходилось платить одиночеством.

Если никому не рассказываешь, чего хочешь, никто не может тебя остановить. Но никто не может и поддержать. Ты остаёшься единственным человеком, который знает, куда и зачем идёт.

В молодости мне это нравилось. История Чичестера уже научила меня восхищаться теми, кто справляется один. Фраза «я могу сам» звучала внутри всё увереннее. В ней было много настоящей силы, но постепенно появлялась и опасность.

«Я могу сам» незаметно превращалось в «мне никто не нужен».

Поддержку я начинал воспринимать как попытку вмешаться. Заботу — как ограничение. Совет — как желание управлять. Вместо разговора выбирал готовое решение, вместо просьбы о помощи — ещё одно усилие.

Так формировался человек, который однажды не сообщит родителям, что лежит в больнице с тремя переломами позвоночника. Не потому, что не любит их. И не потому, что они безразличны ему.

Он просто не будет знать, как впустить близких в свою беду, не отдав им право распоряжаться собственной жизнью.

Но до больницы оставалось еще несколько лет.

Сначала мне предстояло выйти из школы, начать работать, заработать первые серьёзные деньги и убедиться, что взрослый мир устроен не так сложно, как пытаются показать взрослые.

Мне казалось, достаточно стать независимым — и свобода придёт сама.

Я ещё не понимал, что можно сбежать из дома и продолжать спорить с ним каждым своим решением. Что иногда человек выбирает дорогу не потому, что действительно хочет идти именно по ней, а потому, что она ведёт в противоположную от прошлого сторону.

И что самый долгий побег происходит не через окно, не по ночным улицам и даже не через государственную границу.

Он происходит внутри человека, который так боится снова оказаться под чужим контролем, что перестаёт замечать, куда на самом деле идёт.

Глава 3. Цена самостоятельности

После школы от меня ожидали понятного продолжения: поступить в институт, получить образование, выбрать профессию и двигаться по дороге, которая заранее считалась правильной.

Я не хотел.

Не потому, что отрицал пользу образования или считал себя умнее других. Просто ещё несколько лет учёбы казались продолжением той же системы, из которой я только что вышел. Снова расписание, преподаватели, оценки, обязательные предметы и решения, принятые кем-то за меня.

Мне хотелось работать.

Я устроился в кооператив, занимавшийся типографией и трафаретной печатью. В первый же рабочий день оказалось, что взрослая жизнь пахнет не свободой, а краской и растворителем. Запах въедался в одежду, руки постоянно были испачканы, а неправильно нанесённое изображение невозможно было исправить одним движением ластика.

В типографии всё было честно: хорошо выполнил заказ — получил результат, ошибся — переделывай. Никого не интересовало, чей я сын и какие оценки стояли в школьном аттестате. Имело значение только то, умею ли я работать и можно ли на меня положиться.

Мне это нравилось.

В кооперативе платили хорошо — примерно пятьсот-шестьсот рублей. По сравнению с маминым окладом около ста пятидесяти это были серьёзные деньги. Я впервые почувствовал, что могу не просто купить себе какую-нибудь вещь, а действительно содержать себя.

Начальник разрешал заниматься дополнительными заказами, но только после того, как была закончена основная работа. Условие казалось справедливым: сначала выполни то, за что тебе платят, а потом используй оборудование и свободное время для себя.

Мы оставались вечерами, наносили надписи на футболки, печатали визитки и делали другую продукцию, которую можно было продать. Школьная торговля марками закончилась. Теперь у меня были оборудование, настоящий заказчик и ответственность за результат.

Зарплата перестала быть единственным способом заработать. Я видел: если человек замечает возможность и готов сделать немного больше положенного, его доход уже не ограничивается суммой, указанной в ведомости.

Страна вокруг тоже менялась. Старые правила ещё существовали, но всё чаще не соответствовали реальности. Одни товары исчезали, другие внезапно появлялись из неизвестных источников. Люди обменивались, договаривались, везли вещи из-за границы и искали способы заработать там, где ещё недавно никакого бизнеса быть не могло.

Кооперативы находились между двумя мирами. Формально мы работали легально, получали зарплату и выполняли заказы. Но рядом уже возникала другая экономика, в которой цена зависела не от государственного прейскуранта, а от того, насколько сильно человеку требовался товар и кто мог его достать.

Мне этот мир был понятен.

Здесь ценились не правильные ответы, а способность увидеть спрос, предложить решение и выполнить обещанное. Иногда всё менялось быстрее, чем человек успевал разобраться в новых правилах. Но меня неопределённость не пугала. Наоборот, там, где другие видели беспорядок, я замечал свободное место.

Работа занимала значительную часть моей жизни, но не всю.

Я создал рок-группу и стал в ней лидером. В нашей компании не было человека, который постоянно командовал бы остальными, но музыка требовала того, кто соберёт людей и возьмёт ответственность за общее дело. Нужно было договариваться о репетициях, выбирать

композиции, следить, чтобы каждый знал свою партию, и выходить на сцену даже тогда, когда подготовка была далека от идеальной.

Мне нравилось быть не только исполнителем, но и тем, кто соединяет отдельные партии в одно звучание. Лидерство тогда не казалось мне особой ролью. Если я видел, что нужно сделать, то просто начинал делать и предлагал остальным присоединиться.

Моим кумиром был Клифф Бёртон, бас-гитарист Metallica. Он погиб в автомобильной аварии в 1986 году во время европейского тура группы. Ему было двадцать четыре года.

По воспоминаниям гитариста Кирка Хэмметта, в тот вечер они тянули карты, решая, кому достанется спальное место в гастрольном автобусе. Клифф вытащил туз пик и получил право выбора. Он занял койку Кирка.

Ночью автобус съехал с трассы и перевернулся. Клифф погиб именно там, на выигранном месте.

В этой истории было что-то пугающее: одно случайное движение, одна карта — и чужая судьба могла сложиться иначе. Но тогда я видел в Клиффе прежде всего музыканта, ушедшего молодым и навсегда оставшегося на вершине.

Мне нравились его музыка, манера держаться и ощущение полной свободы на сцене. Я пытался копировать его стиль, и друзья начали называть меня Клиффом.

Прозвище мне нравилось. Оно звучало как признание: окружающие видели, к чему я стремлюсь, и принимали созданный мной образ.

Но вместе с образом музыканта я неожиданно впустил в себя и часть его судьбы.

Я стал думать, что тоже умру в двадцать четыре.

Не могу сказать, что хотел смерти или собирался причинить себе вред. Скорее эта мысль постепенно превратилась в странную внутреннюю уверенность. Клифф ушёл молодым, на вершине, и навсегда остался таким в памяти людей. В юности подобная судьба может казаться не трагедией, а особой формой бессмертия.

Старость представлялась чем-то далёким и почти нереальным. Молодой человек редко понимает ценность времени, которого у него пока много. Ему кажется важнее прожить ярко, чем долго, словно эти две вещи обязательно противоречат друг другу.

Я не строил планов на десятилетия вперёд. Будущее существовало как большое неопределённое пространство, которое ещё успеет сложиться само. Важнее было происходящее сейчас: работа, музыка, друзья, первые заработки и ощущение, что взрослая жизнь наконец началась.

Число двадцать четыре всё же оставалось внутри.

Человек способен повторять одну мысль достаточно долго, пока она не перестанет казаться случайной. Сначала она пугает, потом становится знакомой, а затем почти незаметно встраивается в представление о собственной судьбе.

Много лет спустя я буду размышлять, мог ли сам приблизить аварию своими мыслями. Сейчас у меня нет ответа, который можно было бы доказать и предложить другому человеку как истину. Возможно, повторяемая мысль действительно влияла на мои решения и отношение к риску. Возможно, я просто жил слишком быстро и считал себя неуязвимым. А может быть, заклинившее колесо остаётся всего лишь заклинившим колесом, какие бы смыслы мы потом ни пытались найти.

Я знаю только одно: именно в двадцать четыре года окажусь в искорёженной машине на дне оврага.

Однако тогда до аварии оставалось ещё несколько лет, и смерть не занимала меня каждый день. Она существовала где-то на заднем плане, а впереди была жизнь, в которую я торопился войти.

С деньгами появилось ощущение новых возможностей. Я мог покупать одежду, ходить в кафе, помогать близким и не спрашивать разрешения на каждую трату. Было приятно заплатить за себя и за человека рядом, подарить что-то, решить проблему без долгих разговоров.

Вместе с первыми серьёзными заработками пришла первая настоящая влюблённость.

Девушка была красивой, и мне хотелось верить, что наши отношения означают больше, чем оказалось на самом деле. Я мог платить, дарить, помогать и чувствовать себя взрослым мужчиной, который способен позаботиться о другом человеке.

Вероятно, признаки были заметны с самого начала. Просто влюблённый человек обладает редким талантом не видеть то, что ясно окружающим. Он принимает интерес к своим возможностям за интерес к себе и замечает правду только тогда, когда больше не получается её игнорировать.

Постепенно выяснилось, что девушку привлекали прежде всего мои деньги.

Признать это было неприятно. Я уже считал себя человеком, способным разбираться в людях и ситуациях, но в отношениях оказался гораздо менее внимательным, чем в работе. Там я быстро замечал выгоду, риск и чужой интерес. Здесь хотел верить и потому не задавал лишних вопросов.

Позже девушка тоже уехала в Финляндию и работала там няней. Мы встретились уже за границей. Рядом оказался мой друг, с которым я ездил на заработки. Он посмотрел на нас, отогнал её, отвёл меня в сторону и как следует дал по голове.

— Очнись.

Способ был не самым дипломатичным, зато понятным.

Друг видел со стороны то, чего я упорно не хотел замечать. Мне потребовалось время, чтобы признать: девушка тянулась не столько ко мне, сколько к возможностям, которые видела рядом.

Деньги дали мне независимость, но одновременно привлекли людей, заинтересованных именно в этой независимости — точнее, в её материальной части. Я ещё не умел различать желание быть щедрым и потребность покупать чужое внимание. Мне нравилось чувствовать себя сильным, нужным, способным решать проблемы. И я не всегда задавался вопросом, что останется в отношениях, если убрать подарки и помощь.

Первое разочарование не сделало меня осторожнее. В молодости человек редко меняет всю жизнь после одного урока. Обычно он усваивает только ту часть, которая не слишком мешает жить по-прежнему.

Я решил, что ошибся в конкретной девушке.

Признать собственную уязвимость было бы значительно сложнее.

Тем временем кооператив переставал казаться конечной точкой. Я уже понимал, что могу хорошо зарабатывать, но одновременно видел предел. Какими бы серьёзными ни выглядели пятьсот или шестьсот рублей, вокруг существовал другой мир, где те же усилия стоили значительно дороже.

Финляндия находилась совсем рядом и одновременно принадлежала другой реальности.

Оттуда привозили вещи, которые невозможно было найти у нас. Люди возвращались с рассказами о магазинах, дорогах, работе и порядке. За одну поездку можно было заработать больше, чем здесь за долгое время. Государственная граница переставала быть абстрактной линией из школьного учебника. Её пересекали знакомые люди — и возвращались.

Я слушал и понимал: дорога существует.

Чтобы отправиться туда, требовались приглашение, виза, деньги и готовность начать с простой работы. Не было гарантии, что всё получится. Я не знал языка настолько хорошо, чтобы чувствовать себя уверенно, не понимал местных правил и не представлял, чем именно стану заниматься.

Но неизвестность меня не пугала. Она вызывала интерес.

Первую поездку нельзя назвать окончательным переездом. Мы отправились в Финляндию работать, и многое ещё оставалось неопределённым. Для меня было важно другое: я хотел сам увидеть страну, о которой до этого только слышал, и проверить, смогу ли найти там своё место.

В чемодане лежало самое необходимое. С собой можно было официально обменять и взять тысячу четыреста финских марок. Ничего противозаконного я не вёз. Возможно, сейчас это кажется само собой разумеющимся, но граница всегда заставляет человека мысленно проверять карманы, даже если скрывать ему нечего.

Страха я не чувствовал. Скорее ожидание встречи с новым.

В Финляндии мы остановились у Хейкки. Поначалу работали в его типографии. Всё вокруг казалось другим, даже еда почему-то была вкуснее. Возможно, дело было не в продуктах. Когда человек впервые оказывается в новой стране, он внимательнее замечает самые простые вещи.

Первая виза была выдана на месяц. За это время я заработал почти две тысячи рублей — примерно в три-четыре раза больше обычного месячного заработка в кооперативе.

Половину этой суммы, около девятисот рублей, потратил на казаки. Покупка была не самой практичной, зато мне нравилась. Я привёз подарки маме и её спутнику и вернулся домой человеком, который уже знал: за границей можно не только выжить, но и заработать.

Мама сказала, что я иду не по своему пути.

Возможно, она всё ещё надеялась, что поездка останется временным приключением, после которого я вернусь к понятной жизни. Найду стабильную работу, поступлю учиться или выберу профессию, которую можно объяснить родственникам и знакомым.

Я не спорил.

Спорить вообще не имело смысла: теперь у меня был собственный опыт. Я видел Финляндию, работал там и держал в руках деньги, которые заработал сам. Чужие сомнения больше не могли убедить меня, что дорога закрыта.

Первая поездка закончилась возвращением в Таллин, но контраст между двумя мирами оказался слишком сильным. Я быстро понял, что хочу обратно.

Новое приглашение уже было у меня в кармане. На следующий день я подал документы на визу.

Через месяц снова стоял на пароме.

Берег медленно отдалялся, привычный город оставался позади, а впереди были Хейкки, работа и страна, правил которой я пока не знал.

Я не воспринимал этот отъезд как большой жизненный выбор. Мне казалось, что просто еду туда, где вижу возможность.

Только значительно позже я понял: некоторые решения меняют курс ещё до того, как человек успевает назвать их судьбоносными.

Глава 4. Нужный язык

Во второй раз Финляндия уже не казалась совершенно незнакомой. Я вернулся к Хейкки, знал несколько улиц и представлял, где буду работать. Но это ещё не делало чужую страну своей.

Но знание нескольких улиц ещё не делает чужую страну своей.

Я не говорил по-фински настолько хорошо, чтобы свободно общаться, не понимал многих правил и зависел от людей, согласившихся помочь. В Таллине я мог решить почти любой бытовой вопрос, не задумываясь. Здесь простая просьба, вывеска или разговор иногда напоминали о том, что я нахожусь в мире, устроенном без моего участия.

Это ощущение не унижало меня. Скорее заставляло смотреть внимательнее.

Хейкки снова принял меня у себя. Типографская работа давала знакомую точку опоры. Оборудование могло отличаться, но дело я знал..

Я делал то, что умел, и постепенно переставал чувствовать себя гостем, который в любой момент может стать лишним.

Однако долго оставаться на одном месте мне уже было трудно. Типографская работа давала заработок, но я приехал не только за ним. Хотелось понять, какие ещё возможности существуют вокруг и что я могу предложить стране, где пока почти никого не знаю.

Через некоторое время Хейкки познакомил меня со своим приятелем. Тот занимался ремонтом квартир и предложил работу.

Я согласился.

Ремонт не имел ничего общего с романтическими представлениями о жизни в Европе. За границей человек довольно быстро обнаруживает, что красивые улицы, аккуратные дома и наполненные товарами магазины существуют рядом с самой обычной работой. Стены нужно готовить, мусор — выносить, инструменты — таскать, а результат достигается теми же руками, которые ещё недавно держали бас-гитару или печатали визитки.

Меня это не смущало. Я приехал зарабатывать и не считал физическую работу ниже своего достоинства. Если дело позволяло двигаться дальше, оно заслуживало внимания.

Новый знакомый вскоре заметил другое моё преимущество.

— Ты знаешь русский?

Вопрос звучал почти слишком просто.

Русский язык не казался мне отдельным умением. Я говорил на нём и не думал, что привычная речь может иметь цену. Но в Финляндию уже ехали туристы из России. Они оказывались в незнакомой стране, не понимали местных жителей, не могли нормально объясниться в гостинице, магазине или при покупке автомобиля.

В небольшом семейном отеле требовался человек, способный стать между двумя сторонами и помочь им услышать друг друга.

Так я получил работу переводчика.

Слово «переводчик» звучало солиднее, чем выглядела сама работа. Я не сидел в отдельном кабинете над официальными документами и не ждал, пока меня пригласят на важные переговоры. В маленьком отеле каждый делал то, что было необходимо в конкретный момент. Я помогал размещать гостей, объяснял правила, отвечал на вопросы, улаживал недоразумения и подсказывал, куда сходить или как добраться до нужного места.

Никто не выдавал мне точную инструкцию.

Если человек стоял передо мной и не понимал, что ему говорят, нужно было перевести. Если возникала проблема, следовало найти решение. Граница между должностными обязанностями и обычной человеческой помощью почти отсутствовала.

Мне подходила такая работа. Я быстро ориентировался, не боялся разговаривать с незнакомыми людьми и умел договариваться. Там, где другой увидел бы лишнюю заботу, я замечал возможность стать нужным.

Первые туристы сами нашли меня на следующий день после размещения.

Им требовалась помощь с покупкой автомобиля. Машины были одной из главных причин, по которым люди приезжали в Финляндию. Здесь можно было подобрать подержанный автомобиль, но для иностранца сделка превращалась в цепочку сложностей. Нужно было разговаривать с продавцами, задавать вопросы, понимать документы и не потеряться в незнакомом городе.

Я согласился помочь.

У меня не было заранее подготовленной услуги, установленного тарифа или визиток с красивым названием. Были люди, которым требовался русский язык, и я, способный провести их через ситуацию, где самостоятельно они чувствовали себя беспомощными.

Мы сделали всё необходимое, и туристы заплатили.

Когда я пересчитал полученное в привычные деньги, оказалось, что за один день заработал примерно столько, сколько в кооперативе получал за десять.

Вот тогда я посмотрел на собственный язык иначе.

До этого русский был частью меня, чем-то настолько естественным, что я не воспринимал его как ресурс. В Финляндии он стал редкой связью между людьми, которые хотели договориться, но не могли сделать это без посредника.

Я оказался в нужном месте в нужное время и обладал именно тем, чего здесь не хватало.

Одни назвали бы это удачей. Наверное, удача действительно присутствовала: я не создавал поток русских туристов и не мог заранее знать, когда он начнётся. Но одного удачного совпадения мало. Возможность ничего не стоит, если человек не замечает её или боится сделать шаг за пределы привычной работы.

Мне платили в отеле. Я мог решить, что помощь туристам не входит в мои обязанности, дать короткий совет и вернуться к своим делам.

Вместо этого поехал вместе с ними.

После первой поездки появились другие просьбы. Кому-то требовалось найти магазин, кому-то — разобраться с покупкой, доехать до нужного места или договориться с продавцом. Люди приезжали с деньгами и планами, но без языка даже простое действие могло занять целый день.

Я не просто переводил слова. Приходилось понимать, чего человек действительно хочет, объяснять это финнам, а затем переводить ответ обратно — уже с учётом разницы не только в языке, но и в привычках.

Русское «мы сейчас быстро договоримся» не всегда означало то же самое для финского продавца. Финское спокойствие могло показаться туристу безразличием, хотя человек просто привык обсуждать всё последовательно. Иногда нужно было переводить не фразу, а сам способ разговора.

Мне нравилось находиться между двумя мирами. Я видел обе стороны и мог сделать так, чтобы сделка состоялась.

Особенно выгодными оказались поездки за автомобилями. За помощь платили туристы, а местные торговцы были готовы вознаграждать человека, который приводил покупателей. Одна и та же работа создавала ценность сразу для нескольких участников: турист получал машину, продавец — клиента, я — оплату за организацию и перевод.

Это было не нарушением правил и не хитростью. Я соединял людей, которым было выгодно встретиться.

Число обращений росло. Вскоре я понял, что не успеваю заниматься всем самостоятельно. Пока сопровождал одних туристов при покупке автомобиля, другие ждали помощи с

магазинами или бытовыми вопросами. Каждый отказ означал потерянный заработок, но физически оказаться в нескольких местах одновременно я не мог.

В такой ситуации можно было ограничить количество заказов и повысить цену.

Я решил собрать команду.

В Финляндии уже жили русскоговорящие переселенцы, которым требовался заработок. Они знали город и местные порядки лучше туристов, но не всегда видели, как превратить эти знания в работу. Я предложил им помогать приезжим и установил почасовую стоимость.

Половину полученной суммы отдавал человеку, выполнившему заказ.

Схема была простой. Если туристам нужно было пройтись по магазинам, решить бытовой вопрос или добраться по делам, с ними отправлялся помощник. Поездки за автомобилями я поначалу оставлял себе: там требовалось больше переговоров, а местные продавцы дополнительно платили за состоявшуюся сделку.

Первых помощников не пришлось долго убеждать. У них было свободное время и знание города, у меня — поток людей, готовых платить. Каждый получал то, чего ему не хватало.

Я поделился и с хозяином гостиницы. Клиенты приходили через его отель, и было справедливо, чтобы он тоже получал выгоду. Кроме того, его поддержка давала мне возможность спокойно работать, не превращая помощь туристам в тайную деятельность за спиной владельца.

В результате довольны были все.

Туристы получали человека, который говорил на их языке и не бросал в незнакомом городе. Помощники зарабатывали. Хозяин отеля видел дополнительную ценность для гостей. Местные торговцы получали покупателей.

А я впервые управлял не только своей работой, но и работой других людей.

Это ощущалось иначе, чем лидерство в рок-группе. В музыке нас объединяло общее увлечение. Здесь каждый пришёл по собственной причине: одному нужны были деньги, другому — клиенты, третьему — машина. Моя задача заключалась в том, чтобы собрать эти интересы в систему, где никто не чувствует себя обманутым.

Я не изучал управление и не знал специальных терминов. Не строил бизнес-моделей и не рисовал схем. Просто видел, что работает, и старался сделать так, чтобы возможность не пропадала.

Если заказов становилось больше, находил нового помощника.

Если возникала проблема, менял договорённость.

Если человек хорошо справлялся, давал ему следующую работу.

Довольно быстро вокруг меня появилась небольшая команда. Ещё недавно я сам зависел от Хейкки и его приглашения, а теперь другие люди получали заработок благодаря тому, что я нашёл для них клиентов.

Именно тогда впервые появилось настоящее чувство: я могу больше, чем думал.

Не «могу сам» — это я повторял себе с детства.

Теперь оказалось, что могу организовать других.

В этом была новая сила и новая ответственность. Ошибка касалась уже не только меня. Если помощник опаздывал, грубо разговаривал или плохо выполнял работу, турист предъявлял претензии тому, кто всё организовал. Если клиент не платил, объясняться с человеком, потратившим время, тоже приходилось мне.

Поначалу я решал подобные вопросы на ходу. Доверял собственному впечатлению, быстро принимал решения и редко сомневался. Большинство ситуаций удавалось уладить, а каждый успех укреплял уверенность, что я понимаю людей и способен контролировать процесс.

Были дни, когда я получал деньги, о которых ещё год назад мог только мечтать. Сумма, поразившая меня после первой поездки с туристами, постепенно переставала казаться исключением.

Я начал привыкать к хорошему заработку.

Человек вообще быстро привыкает к тому, что недавно считал невероятным. Первая большая сумма вызывает восторг. Вторая подтверждает, что тебе повезло не случайно. После нескольких удачных дней новый уровень дохода уже воспринимается как норма, а всё меньшее — как потеря.

Вместе с заработком менялось отношение к риску. Если решение приносило деньги, я считал его правильным. Если неприятных последствий не возникало сразу, опасность казалась преувеличенной.

Я был молод, находился в чужой стране, начинал почти с нуля и видел, как быстро растут мои возможности. Осторожность в такой ситуации легко принять за трусость. Мне хотелось двигаться дальше, пока открытая дверь не захлопнулась.

Я стал замечать не только потребности отдельных туристов, но и целое русскоязычное сообщество. Люди приезжали в Хельсинки, жили здесь, работали, искали знакомых, музыку, еду и возможность провести вечер среди тех, с кем не нужно подбирать слова.

Им не хватало места, где можно встретиться.

Отелю, в котором я работал, не хватало гостей по четвергам. Зал пустовал, кухня почти не использовалась, а персоналу оставалось ждать конца тихого вечера.

Две нехватки находились рядом.

Нужно было только соединить их.

Идея русского клуба появилась почти естественно. Если туристам и переселенцам требовалось место для общения, а хозяину гостиницы — посетители в самый пустой день недели, почему бы не собрать их вместе?

Я уже видел полный зал.

Слышал музыку.

Представлял, как работает кухня и люди заказывают знакомую еду.

Хозяин отеля пока не знал, что его тихие четверги скоро закончатся. А я ещё не знал, что именно эта удачная идея принесёт мне больше денег, чем прежде, и приведёт к первому серьёзному столкновению с законом.

Мне казалось, что я просто нашёл следующую возможность.

На самом деле я уже подошёл к границе, за которой предприимчивость начинала превращаться в нечто другое, что переходило границу «опасно — безопасно».

Глава 5. Русский четверг

Идея казалась простой: в отеле по четвергам почти не было посетителей, а русскоязычным туристам и переселенцам не хватало места, где можно встретиться, послушать музыку и провести вечер среди своих.

Пустой зал и люди, которым нужен этот зал.

Оставалось договориться с хозяином.

Я предложил арендовать ресторан и кухню по четвергам за символическую плату. Для владельца это был день, который почти не приносил денег: помещение пустовало, персонал скучал, продукты лежали без движения. Он не слишком рисковал, соглашаясь на мой эксперимент. Если никто не придёт, потеря будет небольшой. Если придут — заработают все.

Наверное, он не ожидал, что я действительно соберу полный зал.

Я тоже не мог знать этого наверняка. У меня не было опыта организации вечеринок, рекламного бюджета и списка людей, обещавших обязательно прийти. Были знакомства, туристы, переселенцы и понимание, что русскоязычные люди тянутся друг к другу в чужой стране.

Оставалось превратить эту потребность в вечер, ради которого они выйдут из дома.

Я стал приглашать знакомых и рассказывать о новом месте. Информация расходилась дальше без особых усилий. Один человек приводил друга, тот обещал позвать ещё кого-нибудь. Музыкантам я предложил собирать деньги за вход — по десять марок с человека. Сумма была небольшой, но становилась их заработком и одновременно мотивировала приглашать публику.

Официантам оставались все чаевые.

Такая схема нравилась мне своей ясностью. Не требовалось уговаривать людей работать ради будущего успеха. Каждый заранее понимал, что получит. Музыканты были заинтересованы в полном зале, официанты — в довольных гостях, хозяин отеля — в выручке ресторана.

Мне оставалось придумать, на чём заработаю я.

Ответ обнаружился на кухне.

Килограмм пельменей стоил тридцать пять марок. Из него получалось примерно пять порций. Каждую порцию можно было продать за те же тридцать пять марок.

Арифметика была настолько красивой, что я сначала пересчитал ещё раз.

Первая проданная порция возвращала стоимость всего килограмма. Остальные четыре становились выручкой, из которой нужно было оплатить приготовление и другие расходы. Пельмени не требовали сложной кухни, были знакомы русским гостям и хорошо подходили для вечеринки.

Сейчас подобный расчёт назвали бы экономикой продукта или маржинальностью. Я просто увидел, что один килограмм можно разделить на пять тарелок, и каждая будет иметь для человека другую ценность, чем пакет замороженных пельменей.

Люди платили не только за еду.

Они приходили туда, где говорили на их языке, звучала знакомая музыка и можно было хотя бы на несколько часов перестать чувствовать себя иностранцем.

Первый четверг оказался удачным.

Зал, который обычно пустовал, наполнился людьми. Музыканты играли, официанты носили заказы, на кухне варили пельмени. Посетители знакомились, разговаривали и задерживались дольше, чем планировали.

В следующий четверг пришли снова. Вместе с ними появились новые гости.

Вскоре наши вечера продолжались до двух часов ночи. Хозяин отеля, согласившийся на символическую аренду почти из вежливости, смотрел на полный зал и не скрывал удивления.

Для меня это было важнее первой крупной оплаты за помощь туристам. Тогда я использовал уже существующий спрос: люди приехали за автомобилем и нуждались в переводчике.

Теперь я сам собрал площадку, договорился с участниками и создал событие, которого раньше не было.

Одна удачная идея заставляла сразу искать следующую.

Если зал полон, можно добавить новые блюда.

Если людям нравится музыка, стоит приглашать других исполнителей.

Если посетители готовы возвращаться каждую неделю, значит, клуб может стать постоянным.

Я видел не отдельные вечера, а растущую систему. Чем больше людей приходило, тем быстрее расходилась информация. Каждый новый гость становился не только покупателем, но и бесплатной рекламой.

Мне нравилось наблюдать, как придуманная схема работает без постоянных уговоров. Музыканты приглашали людей, потому что получали деньги за вход. Официанты хорошо обслуживали столики, потому что им оставались чаевые. Хозяин отеля больше не задавался вопросом, стоит ли отдавать мне зал по четвергам.

Договорённости соединяли интересы лучше любых призывов к общей цели.

Деньги тоже оказались значительно больше тех, к которым я привык. Ещё недавно заработок в кооперативе казался мне признаком взрослой самостоятельности. Теперь за один удачный вечер можно было получить сумму, заставлявшую по-новому оценить собственные возможности.

Я стал увереннее.

Пожалуй, слишком уверен.

Когда человек несколько раз подряд принимает удачные решения, ему легко поверить, что успех объясняется исключительно его способностями. Он перестаёт замечать людей, без которых ничего бы не получилось, благоприятные обстоятельства и границы, пока ещё защищающие его от серьёзной ошибки.

Мне казалось, что я понимаю эту систему полностью. Я знал, что хотят гости, умел договариваться с хозяином, музыкантами и персоналом, видел, где возникает прибыль. Каждая следующая неделя подтверждала: идея работает.

И тогда захотелось зарабатывать ещё больше.

Алкоголь на вечеринках продавался хорошо. Туристы привозили с собой водку, которую можно было купить дешевле, чем в Финляндии. Разница между закупочной ценой и тем, сколько посетитель готов заплатить в ресторане, была очевидной.

Я начал покупать водку у туристов и продавать её на своих вечерах.

В тот момент это не показалось мне резким переходом от разумного бизнеса к опасному нарушению. Вокруг многие торговали тем, что могли достать дешевле. Для человека, выросшего в системе дефицита и неформальных договорённостей, такая сделка выглядела почти естественно: есть товар, есть покупатель, есть прибыль.

Но я находился не дома.

В Финляндии торговля алкоголем регулировалась строго. То, что в привычной среде могло восприниматься как обычная предприимчивость, здесь было нарушением закона.

Я знал, что правила существуют. Просто решил, что способен удержать ситуацию под контролем.

Сначала ничего не произошло. Водку покупали, прибыль росла, четверги продолжали собирать полный зал. Отсутствие последствий казалось подтверждением, что опасность невелика.

Это одна из самых коварных ловушек риска. Если человек один раз нарушил правило и не был наказан, он редко думает, что ему повезло. Гораздо чаще решает, что всё правильно рассчитал.

После второго удачного раза уверенность становится сильнее.

После десятого правило начинает казаться формальностью, придуманной для менее сообразительных людей.

Кто-то сообщил о торговле.

Я не знаю, кто именно это сделал и почему. Возможно, человеку не нравился клуб. Возможно, кто-то видел во мне конкурента или просто решил выполнить свой гражданский долг. Такие вопросы долго занимают только тогда, когда хочется найти внешнего виновника.

Главную причину я знал.

Водку продавал я.

Меня арестовали и поместили под следствие.

Ещё недавно я стоял в полном зале, считал выручку и строил планы. Теперь моим временем распоряжались другие люди. Исчезла возможность в любой момент выйти, поехать по делам или решить вопрос привычным разговором.

Закон оказался системой, которую нельзя было обойти улыбкой, быстрым расчётом или удачной договорённостью.

Я думал о виде на жительство. После такого нарушения его почти наверняка не продлят. Даже если удастся выйти, строить прежние планы в Финляндии уже не получится. Клуб, команда, поток туристов — всё могло закончиться одним решением чиновника.

Следователь предложил сделку.

Если я дам информацию о людях, посещавших клуб, он поможет закрыть вопрос и выпустит меня.

Предложение било точно в уязвимое место. Я рисковал потерять страну, заработок и всё, что успел создать. Требовалось заплатить за свободу чужими именами.

Я не стал сразу изображать человека, которому нравственный выбор дался легко. Ситуация была серьёзной, и мне хотелось выйти. Я перебирал варианты и пытался понять, что действительно может сделать следствие.

По закону меня не могли просто удерживать в стране бесконечно. Если вид на жительство всё равно не продлят, оставаться в Финляндии становилось бессмысленно.

Тогда я согласился на предложение следователя.

Он решил, что получит информацию.

А я решил уехать раньше, чем придётся её дать.

Утром меня выпустили. В двадцать один час я уже сидел у родственников в Санкт-Петербурге.

Между этими двумя событиями поместилась граница.

Я выехал сам — настолько быстро, насколько смог. Не стал ждать, пока следователь вызовет меня снова, не вернулся в клуб и не пытался спасти имущество или восстановить договорённости. Нужно было покинуть Финляндию, пока такая возможность ещё оставалась.

Решение напоминало мои прежние побеги, только теперь цена была другой. В детстве я выбирался через окно, чтобы провести ночь с друзьями. Сейчас уходил от уголовного дела, оставляя за спиной страну, работу и бизнес.

У родственников я рассказал всё.

О клубе, водке, аресте, предложении следователя и своём отъезде. Я доверял этим людям и не видел смысла придумывать красивую версию.

Моя двоюродная тётя не стала ни ругать, ни хвалить меня за то, что я натворил. Выслушала и сказала только:

— Молодец, что никого не сдал.

Эти слова не превращали меня в героя.

Я нарушил закон и сам разрушил дело, которое хорошо работало. Никто не заставлял меня покупать водку у туристов. Не существовало обстоятельств, из-за которых клуб не мог продолжаться без нелегальной торговли алкоголем.

У нас был полный зал.

Пельмени приносили прибыль.

Музыканты, официанты и хозяин отеля были довольны.

Мне уже хватало.

Но я захотел больше.

В молодости жадность редко выглядит как жадность. Она умеет называться ростом, смелостью, использованием возможностей и нежеланием останавливаться на достигнутом. Человек убеждает себя, что просто развивается, хотя на самом деле перестал чувствовать границу, за которой дополнительная прибыль уже не оправдывает риск.

Я эту границу перешёл.

При этом даже после ареста внутри сохранялась странная уверенность, что окончательного поражения не произошло. Да, Финляндия для меня закрывалась. Да, клуб был потерян. Но остались опыт, знакомства и большая база людей, которым я когда-то помог.

Туристы приглашали меня в Санкт-Петербург и Москву. За время работы я познакомился со множеством людей, и почти каждый говорил: если окажешься в нашем городе — звони.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.